

Неизданныя письма Н. И. Пирогова.

(Къ исторіи высшаго образованія и русско-польскихъ отношеній).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

Слѣдующее письмо Н. И. Пирогова (отъ 2 — 14 августа 1863 г.) послано изъ Берна и посвящено заботамъ о докторѣ Хржонщевскомъ, для котораго Н. И. просилъ продленія срока командировки, при чемъ онъ ссылаясь на усердныя занятія этого молодого ученаго. Сообщая, что онъ осмотрѣлъ еще 4 университета, Н. И. извѣщаетъ министра, что ѣдетъ изъ Берна въ Ниццу, и просилъ ускорить высылку ему денегъ.

Характерны эти постоянныя хлопоты Н. И. Пирогова по поводу денегъ. Знаменитый хирургъ, который могъ бы имѣть въ Россіи огромную врачебную практику, ради научныхъ интересовъ родины оставилъ удобства домашняго очага и со всей семьей скитался по европейскимъ гостиницамъ, а министерскіе чиновники никакъ не могли наладить высылку ему довольно скромнаго жалованья вѣ-время. Приходилось ему ждать иногда жалованья по три—четыре мѣсяца, и только вмѣшательство министра ускоряло высылку денегъ. И каждый разъ повторялась эта исторія, несмотря на строгія предписанія А. В. Головнина. Въ изслѣдуемыхъ „дѣлахъ“ архива министерства есть много писемъ Н. И. Пирогова съ такими приписками: „Вообще я просилъ бы васъ покорнѣйше сдѣлать распоряженіе о болѣе правильной высылкѣ суммъ; иначе мнѣ приходится такъ часто беспокоить васъ о дѣлѣ, касающемся только лично до меня“.

Пришлось ему повторять это и въ письмѣ отъ 17 сентября 1863 года (по старому стилю), посланномъ изъ Гейдельберга и представляющемъ значительный интересъ, какъ свидѣтельство глубокой преданности Н. И. Пирогова интересамъ науки.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль—сентябрь 1917 г.

Милостивый Государь Александръ Васильевичъ.

Возвратясь изъ Ниццы въ Гейдельбергъ, гдѣ намѣреваюсь провести еще одну зиму, спѣшу увѣдомить ваше высокопревосходительство, что оба послѣдніе векселя, изъ коихъ одинъ на 2053 марк. 11 талл., а другой на 1939 марк. 8 талл., мною получены и такимъ образомъ я удовлетворенъ жалованьемъ и пенсіею по 1 іюля, а дополнительнымъ содержаніемъ за сентябрьскую треть по 1 января, и надѣюсь, вслѣдствіе вашего извѣщенія, получать въ сроки, черезъ что и перестану беспокоить васъ дѣлами, лично до меня одного касающимися.

На полученные мною 400 талеровъ на путевыя издержки я посѣтилъ 18 университетовъ и 12 учебныхъ заведеній; остались непосѣщенными, по причинѣ отдаленности мѣстъ и израсходованной уже суммы, еще 7 университетовъ; это потребовало бы еще до 350 талеровъ, если бы вы сочли нужнымъ, чтобы я побывалъ и въ нихъ.—Изъ 150 талеровъ, высланныхъ мнѣ на покупку книгъ, я на 50 талеровъ послалъ уже на имя департамента 60 экземпляровъ Pulch's Bruchtabellen (8 іюля н. с.), но о полученіи ихъ еще не получалъ квитанціи; а на остальные 100 талеровъ высылаются теперь изъ Вѣны стигмографическія таблицы Dr. Hillardt'a, также на имя департамента.

Во время моихъ объѣздовъ я видѣлся со всѣми посланными на счетъ правительства, за исключеніемъ только тѣхъ, которые теперь находятся въ Парижѣ и славянскихъ земляхъ; спрашивалъ профессоровъ о занятіяхъ и способностяхъ нашихъ посланныхъ, нашель, что нѣкоторые вовсе не извѣстны профессорамъ, хотя и занимаются довольно усердно; нашель взгляды нѣкоторыхъ на ихъ занятія и отношенія къ профессорамъ довольно странными для меня, убѣждалъ и совѣтовалъ какъ умѣлъ; такъ какъ все это составляетъ предметъ весьма важный, то я постараюсь изложить его, впослѣдствіи, съ большею подробностью и въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ начну сообщать вамъ съ полною откровенностью всѣ результаты моихъ наблюденій; это изложеніе составитъ цѣлый рядъ писемъ, которыя по вашему благоусмотрѣнію могутъ быть или обнародованы или же остаться конфиденціальными. Я полагаю, что этотъ родъ изложенія, въ цензурномъ отношеніи, имѣетъ болѣе удобствъ, хотя и покажется можетъ быть нѣсколько отрывочнымъ и несвязнымъ.

Поѣздка моя по германскимъ университетамъ имѣла именно ту несомнѣнную выгоду, что, познакомившись короче и на самомъ дѣлѣ съ духомъ современной германской науки, могу

теперь довольно вѣрно опредѣлить, насколько наши посланные въ состояніи воспользоваться ею и насколько въ состояніи будутъ перенести его съ успѣхомъ на нашу почву.

Не скрываю, что можетъ быть буду слишкомъ взыскателенъ въ моихъ сужденіяхъ; не знаю, будутъ ли мои мнѣнія приняты; но во всякомъ случаѣ постараюсь исполнить то, что считаю своею обязанностью, по совѣсти, ничего не скрывая, а потому заранѣе прошу васъ покорнѣйше быть снисходительнымъ къ моимъ убѣжденіямъ. Это *captatio benevolentiae* удержитъ меня, по крайней мѣрѣ, на трудномъ пути.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Н. Пироговъ. Гейдельбергъ. 29/17 сент. 1863 г.

Н. И. Пироговъ не откладывалъ дѣла въ долгій ящикъ и уже 3—15 октября послалъ министру подробный отчетъ о всемъ достойномъ вниманія въ нѣмецкихъ университетахъ въ примѣненіи къ русскимъ. Отчетъ напечатанъ былъ въ газ. „Голосъ“ и включенъ мною въ собраніе педагогическихъ статей Н. И. (второе письмо изъ Гейдельберга). Но вслѣдъ за нимъ Пироговъ послалъ министру слѣдующее конфиденціальное письмо, въ которомъ имѣются очень интересныя свѣдѣнія о знаменитыхъ впослѣдствіи ученыхъ, В. И. Сергѣевичъ и А. А. Потебнѣ. Особенно важно для біографіи послѣдняго сообщеніе Пирогова объ его арестѣ въ Галиціи. Но объ этомъ дальше.

Конфиденціально.

Милостивый государь Александръ Васильевичъ.

Честь имѣю представить вамъ второе мое письмо, содержащее въ себѣ результаты моей поѣздки по германскимъ университетамъ. За неимѣніемъ переписчика, я не могъ сообщить ему лучшей видъ.

Два векселя, одинъ на сумму 971 талр., а другой на 350 талр. я получилъ на этихъ дняхъ. Отправиться для осмотра отдаленныхъ университетовъ я прежде Рождества не успѣю, потому что начну теперь посѣщать здѣсь нѣкоторыя лекціи (около 5 или 6 недѣль).

Черезъ мѣсяць надѣюсь выслать вамъ третье письмо—для напечатанія, если признаете нужнымъ.

Кандидатъ Московскаго университета Сергѣевичъ, посланный за границу по судоустройству и судопроизводству, узнавъ, что по новому университетскому уставу объ эти науки соединены съ гражданскимъ правомъ въ одну кафедру, желалъ бы

лучше заняться исторіею иностранныхъ законодательствъ,— предметомъ, которымъ онъ уже и прежде занимался. Но для этого онъ полагаетъ необходимымъ для него пробить хотя 1 семестръ долѣе положеннаго срока за границую. Онъ просилъ меня ходатайствовать предъ вами объ этомъ. Я обѣщался и посовѣтовалъ ему изложить свою просьбу въ письмѣ, которое, вѣроятно, уже и отправилъ къ вамъ.

Какъ онъ, такъ и нѣкоторые другіе получили отъ университетовъ инструкціи о занятіяхъ не совсѣмъ соответствующія распредѣленію кафедръ по новому уставу. Такъ, Сергѣевичъ полагалъ, что судоустройство и судопроизводство, которыми ему было предписано заняться отъ университета, составятъ особую кафедру,—иначе онъ не взялся бы за нихъ. Поэтому я считаю его просьбу небезосновательною.

Позвольте вамъ напомнить объ участіи посланныхъ Московскимъ университетомъ адъюнкта или лаборанта химіи Семёнова, о которомъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать. Онъ предпринялъ одну замѣчательную химическую работу въ лабораторіи Эрленмейера, которую не рѣшается бросить; между тѣмъ срокъ его пребыванія за границею кончился, о продолженіи этого срока, на его просьбу, отвѣта не послѣдовало, и онъ находится теперь почти безъ всякихъ средствъ; но работу, обѣщающую результаты, оставить не рѣшается. Это человекъ дѣльный, приверженный къ своей наукѣ, и я не знаю, почему университетъ такъ забылъ его. Я осмѣливаюсь во второй разъ утруждать васъ изложеніемъ его участи. Скоро ему нечѣмъ будетъ существовать.

Изъ нѣкоторыхъ германскихъ газетъ я узналъ объ участи Потемни. Я его видѣлъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ Берлинѣ, нашель болѣзненнымъ и совѣтовалъ отдохнуть. Я никакъ не ожидалъ, чтобы онъ могъ пуститься въ политическую пропаганду. Товарищи, которые его хорошо знали и которые не имѣли никакой причины скрывать что-нибудь отъ меня объ немъ, всѣ относятся про него, что онъ прилежно занимался языковѣдѣніемъ, не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ съ своимъ братомъ, убитымъ въ Польшѣ, былъ, напротивъ, недругомъ поляковъ, но и не отчаяннымъ украинофиломъ. Потому всѣхъ его знакомыхъ удивила вѣсть объ арестованіи его въ Галиціи австрійскимъ правительствомъ. Многіе еще до сихъ поръ сомнѣваются и справлялись у меня.

Наши посланные разсѣяны теперь почти во всѣхъ германскихъ университетахъ. Есть еще нѣсколько, съ которыми я

лично не успѣлъ познакомиться и можетъ быть, по причинѣ отдаленности мѣстъ, гдѣ они находятся (напр., Славянскія земли), вовсе не увижу. Къ такимъ принадлежатъ: Ламанскій, Фортунатовъ, Нейкирхъ, Стояновъ, Таганцевъ, Стельмаховичъ и Розенблатъ. Съ остальными я болѣе или менѣе познакомился. Всѣмъ, посланнымъ по наукамъ словеснымъ (филологическимъ) и историческимъ, я (бы) совѣтовалъ сближеніе съ профессорами, которые многихъ изъ нихъ не знаютъ даже и по имени. Напротивъ, почти всѣ естественники, математики, медики сблизились; многіе работаютъ подъ непосредственнымъ руководствомъ. Изъ юристовъ, наконецъ, также большая часть вовсе не входитъ въ сношеніе съ спеціалистами,—я считаю это большимъ недостаткомъ и уже не разъ говорилъ имъ объ этомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Н. Пироговъ.

Гейдельбергъ. 1863. Октября 22/10.

Сообщилъ **С. Я. Штрайхъ.**